

"Прокурорская дискреция в уголовном процессе Грузии"

Научный руководитель – Юсупов Магомедгаджи Юсупович

Магомедов Мурад Алишихович

Студент (специалист)

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический факультет, Кафедра уголовно-правовых дисциплин, Махачкала, Россия

E-mail: murad.maga@inbox.ru

Во втором постсоветском Уголовно-процессуальном кодексе Грузии (далее-УПК Грузии), вступившем в силу 1 октября 2010 года, закреплён заимствованный из западных уголовно - процессуальных систем принцип дискреционности уголовного преследования (ст.16 УПК Грузии). В основе данного принципа лежит целесообразность возбуждения уголовного преследования исходя из публичных интересов.

В УПК Грузии предусмотрено разделение функций преследования и следствия. Уголовное преследование осуществляет только прокурор (ч.2 ст. 12 УПК). Следовательно, не являясь органом уголовного преследования, обязан вести расследование всесторонне, полно и объективно (ч.2 ст.37). Поэтому прокурор, принимая решение о начале и прекращении уголовного преследования, пользуется дискреционным полномочием. Прокурор вправе не начинать уголовное преследование, а начатое прекратить, если оно противоречит Руководящим принципам уголовной политики (ч.3 ст.105 УПК Грузии). В соответствии с п. 8 ч.1 ст.8 Закона Грузии «О прокуратуре» Министр юстиции по представлению Главного прокурора утверждает Руководящие принципы уголовной политики. Таким образом, грузинскому прокурору закон позволяет не начинать уголовное преследование, а начатое прекратить, руководствуясь при этом ведомственным нормативным актом [1].

Реализованный в УПК Грузии принцип широкой прокурорской дискреции неоднозначно воспринят юридическим сообществом Грузии. С резкой критикой законодательной конструкции прокурорской дискреции выступили профессора Гия Мепарашвили и Ия Чхеидзе.

В 2001 году в УПК Грузии в качестве альтернативной меры разрешения уголовно-правового конфликта введен институт «устранения» (ст.168.1 УПК). Прокурор вправе не начинать или прекратить начатое уголовное преследование в отношении лица (субъекта устранения) по факту совершения менее тяжкого или тяжкого преступления, если лицо (субъект устранения) выполнит одно или несколько условий, перечисленных в указанной норме закона, например, при уплате в пользу государственного бюджета денежной суммы, минимальный размер которой 500 лари (по курсу примерно 11 тысяч российскими рублями). Российским аналогом грузинского института устранения можно считать введенный в 2016 году институт судебного штрафа в связи с тем, что в обоих институтах в качестве условия освобождения от уголовной ответственности предусмотрена добровольная уплата лицом, совершившим преступление, определенной денежной суммы в пользу государственного бюджета (в Грузии помимо денежного вноса предусмотрены и другие меры устранения). Они отличаются, прежде всего, по субъекту и процедуре применения. Меры устранения применяются только прокурором по своей инициативе и с согласия лица (субъекта устранения). Судебный штраф применяется только судом в процедуре судебного заседания, схожей с особым порядком, из-за чего данный институт подвергается справедливой критике.

В уголовном процессе Грузии прокурор наделен дискреционным полномочием на заключение с обвиняемым процессуального соглашения о вине или наказании, которое является основанием вынесения судом обвинительного приговора без рассмотрения уголовного дела по существу (глава XXI УПК Грузии). Инициатива заключения процессуального соглашения может исходить как от обвиняемого, так и от прокурора (ч.2 ст. 209 УПК Грузии). При заключении процессуального соглашения мнение потерпевшего не учитывается. На основании процессуального соглашения прокурор вправе потребовать для обвиняемого сокращения наказания или при совокупности преступлений принять решение о смягчении или частичном снятии с него обвинения (ч.2 ст.210 УПК РФ). После заключения процессуального соглашения прокурор возбуждает перед судом ходатайство о вынесении приговора без рассмотрения дела по существу. Российским аналогом грузинского процессуального соглашения является особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с обвинением (глава 40 УПК РФ). В отличие от грузинской «сделки с правосудием» рассмотрение дела в особом порядке иницируется исключительно обвиняемым путем заявления соответствующего ходатайства, требуется согласие прокурора и потерпевшего, пределы смягчения наказания установлены законом [2].

Подводя итог, следует отметить, что в Грузии и России реализованы совершенно противоположные подходы к определению роли прокурора в досудебном уголовном преследовании. Грузинский прокурор, являясь полномочным хозяином уголовного преследования и процессуальным руководителем следствия, наделен неограниченной прокурорской дискрецией, позволяющей ему не начинать уголовное преследование, а начатое преследование прекратить, если оно противоречит принципам уголовной политики. А российский прокурор лишен полномочия по возбуждению уголовного преследования (уголовного дела), а возбужденное следователем дело не может прекратить. В досудебном производстве за ним оставлены полномочия по надзору за исполнением законов. Процессуальное руководство следствием российский прокурор не осуществляет. Только в судебном разбирательстве, выступая в качестве государственного обвинителя, он осуществляет функцию уголовного преследования. На наш взгляд будет целесообразным учитывать опыт Грузии, при внесении изменений в УПК РФ.

Источники и литература

- 1) Уголовно-процессуальный кодекс Грузии // <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034> (дата обращения 18.02.2018 г.)
- 2) Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. - 2-е изд., испр. - М.: Статут, 2017. С.158